

Уклонист

ДЕЛОВАЯ

Скандинавский

Кельвин

600

Повестка... Внутри все обмерло, а потом сердце заколотилось быстро-быстро. Будто вместо теплой крови оно разгоняло по артериям жидкий азот. А в мозгу в такт этим ударам уже билось «нет-нет-нет!..». Стандартная реакция на плохие новости. На очень плохие новости. К тому же неожиданные. Черт, я ведь и впрямь совсем забыл, что начался очередной призыв. Работа занимала двадцать пять часов в сутки (по крайней мере, так казалось), и, получив сигнал «входящая почта», я был уверен, что это либо как-то связано с нашим проектом, либо, в худшем случае, еще один каталог сумел обойти антирекламные фильтры. Но из принтера выползла повестка.

Я трижды перечитал казенно-равнодушный текст. Мелькнула было надежда, что это, возможно, дурацкая шутка приятелей, но нет: все идентификационные знаки на месте. Скомкал бумагу и швырнул в корзину, проводив ее в последний путь длинным и заковыристым ругательством. Коллеги были бы изрядно удивлены, узнав, что мне известны подобные выражения. И не они одни.

— Простите, команда не опознана, — откликнулась домашняя система.

— Утилизировать мусор, — сказал я уже спокойно.

— Выполняю.

Корзина скрылась в стенной нише и несколько секунд спустя вернулась обратно, еще источая тепло. Burn, baby, burn, как говорили в каких-то старых боевиках. Повестка? Да о чем вы? Я ничего не получал. Вероятно, сбой в работе почты.

Только не такие они идиоты, чтобы заглотить это более одного раза. Сначала всегда приходит повестка по почте, а потом, ежели призывник не реагирует, они являются лично. Во всяком случае, раньше такой порядок соблюдался неукоснительно, и между первой и второй фазами мог пройти не один день. Однако, кажется, до них уже дошло, насколько неразумно спугивать дичь ни к чему не обязывающими почтовыми извещениями. Я слышал, что в последнее время они все чаще заявляются сразу, вытаскивая ничего не подозревающих призывников из постелей в предутренние часы... Что ж, будем считать, что мне повезло. Что караул еще не поджидает меня за дверью. Но если и так, то терять времени не следует.

Я узнал в Сети, какая погода. Обычная осенняя слякотная мерзость. И когда же наконец установки климат-контроля доведут до ума?... Поспешно оделся и учинил в квартире разгром средней степени, вытряхнув ящики стола и шкафов в поисках наличных. Если за меня возьмутся всерьез, то им ничего не стоит заблокировать мои кредитки... Увы, наличности нашлось совсем немного, да и та в иенах. Когда мне в последний раз требовались наличные (кажется, лет десять назад), как раз был хороший курс иены. И тогда старые обменные автоматы еще торчали на каждом углу, а сейчас с этим могут возникнуть проблемы. Ничего, в крайнем случае одолжу у друзей.

За дверью, к моему великому облегчению, меня никто не ждал. Засады в подъезде тоже не оказалось. Значит, рассчитывают на мою гражданскую сознательность. Ну-ну. Нет, конечно, если бы я знал, что страна в опасности и я последний, на кого она может положиться... Но ведь это не так. Стране вполне может послужить кто-нибудь другой. Может быть, не такой умный, зато не наслаждающийся избытком более интересных занятий.

Шагая под мелким дождем к остановке, я прикидывал, насколько опасно появляться в лаборатории. С одной стороны, для охотников это вполне логично: проверить именно там. А с другой — я не

был там уже много дней, поскольку предпочитаю работать в режиме дистанционного доступа. И они знают, что в наше время так ведут себя многие. Пожалуй, они не станут заявляться туда сразу. А мне не мешает напрямую переговорить с кем-нибудь из ребят. Ведь не известно, что будет в ближайшее время с моим дистанционным доступом.

Монорельс доставил меня почти к подъезду института. После уличной пакости я с удовольствием нырнул в теплую проходную, привычно чиркнул карточкой по щели сканера, привычно подумал, что надо наконец заменить эту архаичную систему безопасности на дистанционное автоматическое сканирование биометрики (никак не доходят руки!), и, бросив мокрый плащ гардеробщику (тоже, кстати, не самой новой модели, но со своими обязанностями справляется безупречно, а что еще надо?), вошел в лифт. Кабина помчала меня вниз, остановившись на минус восьмом.

Войдя в предбанник, я окинул взглядом голограммы коллег, а сами коллеги, естественно, были заняты делом. Макс, Оля и Вадим что-то горячо обсуждали — я видел лишь движения губ: общую голосовую трансляцию они отключили, чтобы не мешать остальным. Серж, скрестив руки на груди а-ля Наполеон (если, конечно, представить себе тощего Наполеона ростом под два метра), стоял перед обзорным экраном, задумчиво изучая Полигон. Конечно, при желании он мог бы в качестве виртуальной копии побродить и внутри, но, как видно, такого желания не испытывал. Да, неудобное это место, даже когда имеешь дело всего лишь с виртуальной проекцией. Шестьсот кельвинов, сотня атмосфер... Проектор Кирилла оставался темным. Не иначе, дрыхнет. И трудно его за это осуждать, потому что вчера, точнее, уже сегодня, когда в четыре ночи я все же вывалился из сети, Кирилл все еще работал... Во плоти присутствовал только Валерка. В отличие от меня, он предпочитал находиться поближе к месту событий и обыкновенно дневал и ночевал в лаборатории. Не знаю, когда в последний раз его видели дома. Словно почувствовав мой взгляд, Валерка повернул ко мне голову и тут же расплылся в улыбке. Не желая отвлекать остальных, я молча кивнул на дверь в боковую комнату, где мы, когда изредка собирались во плоти, устраивали чаепития.

Теперь Валерка поставил здесь свою раскладушку. Войдя внутрь, я увидел, что постель не убрана, — очевидно, гостей он сегодня не ждал, ну а кибергорничная нам по штату не положена: все же у нас научное учреждение, а не гостиница.

— Привет, Олег, давненько в реале не заглядывал! — Валерка деловито придвинул стулья к круглому столу и обернулся к кухонному автомату. — Чай будешь?

— Не откажусь. Что нового за последние часы?

— О, так ты еще не в курсе? А я-то думал, ты из-за этого и примчался. Роберт нашел глюк! У нас там при митозе во второй цепочке получался дельта-изомер.

— Это вместо бета?

— Ну! И в итоге, естественно, вся цепочка сворачивалась к свиным собачьим! Мы уже прогнали варианты через институтский кластер и нашли, как это исправить. Получили аж три устойчивые комбинации и запустили в бульон. Самая простая уже поделилась, как раз перед твоим приходом.

Я охладил его пыл:

— Это еще ничего не значит. У нас уже была культура, которая выдержала двенадцать делений, а потом-таки благополучно загнула.

— Так это когда было! Мы ж тогда, считай, наобум тыкались, не то что сейчас, когда у нас есть работоспособная модель. Если бы еще побольше машинного времени!.. Олег, ты бы похлопотал насчет увеличения квоты. Сам знаешь, какие у нас объемы данных.

— Знаю, конечно, — вздохнул я. — И что мне ответят, тоже знаю. Что у нас в институте — самый мощный вычислительный кластер в Восточной Европе. И что он и так на треть загружен нашими задачами. Что нельзя отдать его нам в монопольное пользование, поскольку другие организации неделями стоят в очереди.

— Да чем они занимаются, эти другие?! — возмущенно вскинулся Валерка. — Ерундой всякой! А мы создаем принципиально новую, неорганическую форму жизни! Которая сможет существовать в условиях Венеры! Между прочим, впервые в истории!

— Венера — это, конечно, замечательно. Но некоторых консерваторов по старинке интересует Земля. Кстати, пальму первенства по части создания неорганической жизни оспаривают компьютерщики. Да, компьютерные программы — это не то, что мы привыкли называть жизнью, но они тоже способны развиваться, размножаться, активно взаимодействовать со средой...

Но тут Валерка перебил:

— Олег! — Он присел на стул и стал внимательно разглядывать меня. — Ты чего-то смурной сегодня. Случилось что?

— Случилось, — кивнул я. — Призывают меня.

— Куда это?

— А то ты сам не знаешь, куда могут призвать? Почетный долг и обязанность...

— О, нет, они ну... совсем охренели! Они что, не знают, чем мы тут занимаемся? Что мы в двух... в одном шаге от победы? Что ты нам нужен, черт бы их побрал!

— Полагаю, все они знают, — пробурчал я. — Уж личные дела призывников они штудируют. Но считают, что Венера может подождать. Или что вы управитесь и без меня.

— Ну, в принципе, наверное, управимся, — сказал Валерка (подхалимаж никогда не входил в число его недостатков). — Особенно теперь, когда уже ясно, что в целом твоя модель работает. И все-таки вместе с тобой управились бы скорее. И вообще, работы еще — непочатый край! Культура делящихся клеток — это хорошо, но нам на Венере не инфузорий разводить!

— Ладно, не трави душу.

Тут голосом Оли ожил динамик на стене (чайная комната не была оборудована голографическими проекторами):

— Валерка! Ты чего там бухтишь на весь институт? Проблемы какие-то?

— Еще какие! — воскликнул он прежде, чем я успел ему помешать. — Олегу повестку прислали!

Ну вот, теперь, вместо того чтобы заниматься делом, все будут полдня охать и возмущаться. Терпеть этого не могу. Впрочем, все равно пришлось бы им сказать. Поэтому тут же вышел в соседнюю комнату, где все могли меня видеть.

Без охов, конечно, не обошлось.

— Косить надо было! — убежденно говорил Серж, произнося жаргонное слово с неподражаемой аристократической интонацией. — Косить на комиссии. Уж ты-то с твоими мозгами легко обвел бы их вокруг пальца. Не только людей, но и компьютеры.

Я только усмехнулся:

— Ага, употребить мои мозги на то, чтобы доказать, что они у меня не работают! Ну и куда мне потом идти с такой справкой — в эстрадные певцы?

Да, при современном уровне медицины симулировать соматическую болезнь невозможно. Остаются только психические. Самому-то Сержу повезло: у него нашли какую-то редкую генетическую патологию, которая, не создавая помех в обычной жизни, все-таки значится в списке диагнозов, дающих категорию «ограниченно годен». В экстремальных условиях могут загрести и его, но в мирное время ему нечего бояться.

— Ну зачем же в певцы? — не сдавался Серж. — Илью Шатова помнишь? Он разыграл великолепную истерию со спорадическими припадками. И прекрасным образом работает по специальности.

— Угу, — кивнул я, — только не забывай, что его специальность — минералогия. Что он может сделать в припадке? Набить морду полевому шпату? А с чем работаем мы? Ты представляешь, каких монстров я мог бы наплодить, если бы у меня сорвало башню?

— В отпуск тебе надо было уйти, в отпуск! — пополнил перечень упущенных возможностей Вадим. — Сколько лет уже не был? Вот и отсиделись бы где-нибудь в глуши без связи. Шиш бы они тебя нашли.

— Да забыл я совсем про этот чертов призыв! Сами знаете, чем мы тут заняты круглые сутки. Вот как прошел эту самую комиссию, так и не вспоминал! К тому же ведь не всех берут, кто признан годным, не нужно им столько. Ну какая была вероятность, что загребут именно меня?

— Может, еще не поздно оформить задним числом? — предложила Оля. — Переговорить с Алиной.

— А что может Алина? — пожал плечами я. — Компьютеры не обманешь. Ничего они не дадут сделать задним числом, и число поменять тоже. Сам в свое время систему тестировал.

— Ну... — задумчиво протянул Макс, — теоретически ломануть систему возможно.

— Максим, я этого не слышал! Ты хочешь, чтобы я толкнул Алину на федеральное преступление? Может, мне просто выйти на улицу и убить первого встречного? Ведь уголовников не призывают!

Тут подал голос Игорь:

— Олег, ты только не обижайся, но раз уж оно случилось, то, может, посмотреть на вещи позитивно? Не такая, в конце концов, трагедия. Всего на два года. И потом, тебя ведь не рядовым призывают. А служба, она... дисциплинирует. Школа жизни, как говорят... У меня брат служил, и ничего — вовсе не дебилом вернулся, сейчас даже со смехом вспоминает, байки травит всякие.

Я только зло зыркнул на него:

— Ах, байки! Послушай...

— Ладно, это все неконструктивно, — решительно перебил Роберт. — А конструктивно, Олег, вот что. Тебе надо прямо сейчас уехать из города. С отпуском финт не пройдет, он оформляется минимум за две недели. Выписывать командировку тоже смысла нет: они будут знать, куда ты едешь, и там же прихватят. Но кто сказал, что ты не можешь работать дистанционно из какого-нибудь очень отдаленного места? Я ведь тебе рассказывал про мой домик в Тамбовской губернии? Который от прабабки достался. Абсолютная глушь, прямо девятнадцатый век. Там даже электричество от генератора.

— А Сеть?

— Кабельной нет, придется через спутник. Канал, конечно, поуже, чем ты привык, но тут уж не до жиру.

— Ну и толку? Меня засекут на первом же сеансе связи с лабораторией!

— Ну а зачем ввязаться напрямую? Создадим временный приватный сайт где-нибудь на канадском сервере, и через него. Захотят посмотреть на результаты твоей работы — пожалуйста, вот они. А пересылать тебе повестки мы по закону не обязаны. Сами они могут слать их на твой сетевой адрес до посинения, но пока ты лично не подтвердил получения...

— Все это шито белыми нитками.

— Разумеется. Но формально — не подкопашься. Я уже просканировал юридическую базу.

— Да? Неужели так просто?

— Ну так почетная обязанность же! — хохотнул Роберт. — Они не могут охотиться за тобой, как за федеральным преступником, и записывать нас в соучастники. Гражданские права никто не отменял... Ты лучше скажи: машину так и не купил?

— А зачем она мне? В пробках стоять и с ремонтом возиться? Монорельс быстрее и эффективнее.

— А затем, что монорельс не везде проложен. Ладно, встретимся в реале, я тебе свою одолжу. Тем более у нее маршрут до домика уже в компе.

— Спасибо, Роберт! Да, вот еще что, коллеги... Мне наличка понадобится, а я боюсь со своей карточки в Сеть входить. Если и не

заблокировали еще, то отследить могут.

— Правильно боишься, — кивнул Валерка. — Это они запросто. Сколько тебе — пяти тысяч хватит?

Он подошел к терминалу и вставил карточку. Из принтера медленно поползла первая купюра...

Да, деньги всегда долго печатать: столько степеней защиты! Именно поэтому, торопясь покинуть родной дом, я и не стал этим заниматься. Забавно — когда-то к высококачественным принтерам относились с подозрением именно потому, что на них можно печатать деньги! Да отчего же не делать это легально, совместив функции подключенного к Сети принтера и банкомата? Зачем содержать дорогостоящие фабрики и навороченные системы охраны? Впрочем, в прошлом вообще было множество всяких глупостей...

Пока печаталась наличка, я допил уже подостывший чай и заодно просмотрел последние результаты. Да, похоже, частицы головоломки наконец-то легли как надо. На сей раз у нас получится жизнеспособная форма, и через пару недель, после тестов можно будет переходить к многоклеточным. Хотя, строго говоря, термин «клетка» применительно к нашему детищу условен... И вот на самом интересном месте я, выходит, должен все бросить и терять два года черт знает на что!

— Ладно, — вздохнул я, с сожалением поднимаясь и запихивая в карман еще теплые купюры. — Роберт прав, лучше мне тут не задерживаться... Значит, через полчаса на «Винеровской»?

— Именно, — кивнул Роберт. — Если где-то по пути застряну, я звякну. Сам не звони, засечь могут.

— Ясно... Пока, ребята, спасибо вам. Надеюсь, через пару месяцев вся эта катавасия закончится.

Итак, я поспешно вышел из института. Как раз вовремя: едва разминулся с подъехавшей к проходной машиной, чья ведомственная принадлежность не вызвала сомнений.

Что потом? К счастью, поезд подошел, когда я был еще на последних ступеньках эскалатора. Удалось влететь в вагон буквально за секунду до закрытия дверей. Пусть теперь попробуют поймать! — подумал злорадно, глядя на быстро удаляющееся здание института. Следующая станция — узловая, и через полчаса я могу быть практически в любой точке Москвы, от Звенигорода до Пушкино.

Однако подъезжая к «Винеровской», почувствовал, что все же нервничаю. Совершенно невероятно, чтобы они выяснили, куда я направляюсь, и ждали меня именно здесь, но, когда за вами охотятся, в голову лезут не только разумные мысли. Тем не менее у выхода со станции меня никто не ждал — ни солдаты, ни Роберт. Толпа схлынула, затем снова поползла из выходов, словно фарш из мясорубки, поскольку подошел очередной поезд; так повторилось еще трижды, прежде чем рядом со мной не затормозила изумрудно-зеленая «тойота».

— Извини, пробки. — Роберт распахнул дверь, не дожидаясь, пока это сделает автоматика. — Еле проскочил. На пятом кольце вообще вертолетами растаскивают. Но за городом ситуация нормальная. — Он кивнул на навигационный компьютер. — Через пару часов будешь на месте. Вот, держи карточку — коды доступа. — И еще... — Тут мне на ладонь легла какая-то зазубренная железка, кажется, даже с пятнами ржавчины. — Это ключ, — пояснил Роберт в ответ на мой недоуменный взгляд. — От механического замка. Вставишь и повернешь. Я ж говорю, этот дом — чистое средневековье. Ну ладно, удачи! Адрес и пароль сайта мы пришлем.

Я поблагодарил его, забрался на водительское место и надел очки.

Перед глазами поверх пейзажа тут же возникли схема маршрута, сводка погоды и прочая информация от нав-компьютера. Отключив все лишнее, я на всякий случай сменил цвет корпуса машины на менее бросающийся (да, знаю, по запросу полицейского сканера комп все равно честно доложит свой номер, но этот запрос еще надо отправить!) и позволил автопилоту делать свою работу. «Тойота», набирая скорость, помчалась по шоссе — мимо Института имени Винера, мимо комбината синтетической пищи, мимо домодедовских небоскребов. Я порылся в музыкальном каталоге компьютера. Из классики у Роберта нашелся только «Рамштайн» — ну что ж,

ФАНТАСТИКА

тоже неплохо. Иногда приятно все же отвлечься от работы и просто расслабиться под музыку.

Потом трассу накрыла мощная туча, но минут через сорок мелкие капельки, ползущие вверх по лобовому стеклу, высохли. Где-то под Рязанью работала одна из установок климат-контроля — все еще в тестовом режиме, накрывая площадь радиусом всего в полсотни километров. И сколько же можно канителиться с этими тестами? Впрочем, поспешно одернул я себя, нет ничего проще задачи, которая поручена не тебе. И вообще, может быть, метеоинженеры тоже пострадали от призыва? Этим же все равно, кого грести, — было бы в личном деле записано «годен»...

Тут в прояснившемся небе показались разноцветные стрекозы вертолетов. Сегодня их было мало: все же погода не балует, а на небольшие расстояния в зоне действия климатической установки проще добраться на машине... Да, вертолеты — штука хорошая, но неэкономичная. И, откровенно говоря, не очень безопасная, за что я их и недолюбиваю. Не такие, конечно, гробы, как в прошлом, из которых даже катапультироваться было нельзя, но все-таки.

Через несколько минут, бросив взгляд на экран заднего вида, я заметил, как один из вертолетов, летящий со стороны Москвы, что-то уж слишком снизился над дорогой. Может быть, он собирался сесть в одном из ближайших поселков? Но нет: придорожные поселения уносились назад со скоростью под двести километров, а вертолет все не менял курса. И, словно в подтверждение худших подозрений, на нав-компьютере моей «тойоты» замигал-запиликал сигнал вызова. Мерзкий звук — даже сквозь «Рамштайн». Это как: кто-то звонит Роберту, а он, отдавая мне машину, забыл перевести звонки на свой личный ви-фон? Нет, сомнительно. И мне ребята звонили бы прямо на ви-фон (номер коего известен лишь очень немногим, а с прочим миром, включая официальные структуры, я предпочитаю общаться е-мэйлом). Значит... Черт, как же они меня вычислили? Неужели учинили тотальное сканирование номеров всех выезжающих из Москвы машин в поисках тех из них, что принадлежат моим знакомым? Вот ведь делать им нечего! Столько усилий, чтобы отправить меня служить, как будто больше некому!..

Спокойно. Даже если так, пока они знают максимум одно: это машина Роберта. Может быть, знают, что внутри точно не Роберт, но не знают, кто именно. Значит, не отвечать. И не дергаться. Вообще никак не реагировать. Ехать, как ехал, по крайней мере, до какого-нибудь лесного проселка, куда можно будет нырнуть. А там, в крайнем случае, бросить машину (Роберту ее, конечно же, обязаны вернуть — точнее, позволить ей самой вернуться на автопилоте), уйти через лес и добираться до места на перекладных, благо денег более чем достаточно... Вот так-то! И я поспешно перекачал карту из нав-компа в память своего ви-фона.

Но чертов вертолет шел все ниже, будто намереваясь усестись мне прямо на крышу. Этого он, ясно, делать не будет, а вылезет прямо перед носом, вынуждая резко затормозить. Надо отрываться, пока не поздно.

Компьютер вел машину на крейсерской скорости в 190. Я дал ему команду разогнаться до предельно допустимых на данном участке 220-ти. Тот повиновался, раздраженно предупредив меня, что выбранный режим неэкономичен. Естественно, для вертолета и 250 — не проблема, но мне нужно было окончательно удостовериться, что эти типы увязались именно за мной. Увы, следом за мной вертолет тоже увеличил скорость.

ФАНТАСТИКА

Что ж, пришло время брать управление на себя, потому что компьютер не будет нарушать правила. Я положил руки на руль, выключил автопилот и врубил турбину. Днище раздвинулось, корпус изменил форму — теперь его аэродинамика работала не на прижимание к дороге, а, наоборот, на отрыв. Могучие компрессоры погнали воздух под днище и через заднее сопло. Привод на колеса отключился, и на скорости 230 они плавно убрались. Теперь я мчался над дорогой на воздушной подушке и реактивной тяге. Вот уж что совсем неэкономично. В том числе и потому, что компьютер только успевал мигать красным, списывая с моего счета очередные штрафы за превышение скорости. Черт, не с моего, понятно, а с Робертова... но ладно, мы с ним потом разберемся. Главное — сейчас это единственный шанс оторваться от вертолета.

И мне это почти удалось. На 290 он начал отставать. Машин на трассе было немного, и я загодя перестраивался из ряда в ряд, легко обходя законопослушных водителей. Но перед Новомосковском плотность на шоссе возросла, а уж через сам город мне и вовсе не прорваться на подобной скорости. Значит, выход один — сходить с дороги. Разумеется, это обычная легковая машина, не вездеход, зазор между днищем и дорогой в режиме скольжения у нее совсем небольшой, рассчитанный на ровную скоростную трассу, а не на прыжки над окрестными канавами и колдобинами. Однако поле, протянувшееся слева, выглядело вроде бы достаточно ровным... А если махнуть через это поле? За ним, судя по карте, проселочная дорога, сейчас совершенно свободная.

Я переключил компрессоры на максимальный наддув подушки. Несколько потерял в скорости, но выиграл еще десяток сантиметров высоты и, плавно поворачивая руль, заскользил над бурой грязью, поросшей жухлой травой.

Машину несколько раз встряхивало, компьютер предупреждающе верещал, но пока что все это было в пределах допустимого. Когда я пересек уже две трети поля, мой радар засек в траве какое-то нагромождение железа — не иначе, вросшие в землю останки трактора или комбайна, которые ржавели здесь еще с тех времен, когда пищу выращивали, а не синтезировали. Я благополучно обогнул опасное место. Впереди уже маячила удваивающая в лесок дорога, а выбившийся из сил вертолет моих преследователей беззвучно тарыхтел далеко сзади.

И тут буквально перед носом машины из травы выскочила птица! Довольно здоровая — какая-нибудь куропатка или тетерев. Столкновение с такой тушкой на максимальной скорости — удовольствие очень сомнительное. В лучшем случае это вмятина, заляпанные кровью и перьями стекло, датчики и сенсоры. В худшем, если ее затянет в компрессор (а это скорее всего), — переломанные лопасти турбины и вышедший из строя двигатель. Естественно, у меня не было времени обдумывать все это, я просто сделал единственно возможное в такой ситуации: выкрутил рулевое колесо, пытаюсь предотвратить неизбежное.

Каким-то чудом мне все же удалось не размазать эту тварь по радиатору. Но вираж оказался слишком крутым. Машину занесло, и теперь она скользила над землей боком, уже не реагируя на управление. Проскочив над дорогой, «тойота» неслась на деревья. Я еще надеялся, однако тут компьютер подал сигнал: «Приготовиться к катапультированию!» Ему, конечно, было виднее...

За секунду до того, как машина, врезавшись бортом в березо-

вый ствол, напрочь снесла его, а затем буквально сложилась пополам, мощный пинок под зад вышиб меня через распахнувшуюся крышу. Реактивный двигатель кресла прекратил работу через несколько секунд — надо мной распахнулись легкие крылья, и навкомп, покинувший машину вместе с хозяином, повел новорожденный дельтаплан со стометровой высоты обратно к земле, почти туда же, где я начал свой полет.

Накрапывал мелкий дождь (значит, меня снова вынесло из зоны действия климатической установки). От обломков «тойоты», уже сплошь покрывшихся противопожарной пеной, мерзко тянуло спиртом, который вытекал из баков... Черт, три месячные зарплаты, да и перед Робертом неудобно!.. А в десяти метрах от меня, басовито стрекоча, садился вертолет.

Я обреченно смотрел, как по грязи шагают офицеры и солдаты. Шагают, естественно, ко мне.

— Соловьев Олег Андреевич?

Отрицать этот факт было бесполезно.

— Что ж это вы, Олег Андреевич! — попенял мне офицер почти что ласково. — Вам повестку посылают как сознательному гражданину, а вы... Гоняйся тут за вами, как будто у нас других дел нет.

В последнем у меня были изрядные сомнения, но вслух я сказал следующее:

— Я не сознательный. Я нарушитель скоростного режима и виновник ДТП.

— Это, конечно, плохо, — покивал офицер, — и, полагаю, соответствующие штрафы уже сняты с вашего счета, но от долга перед родиной вас это не освобождает. Так что — попросу вас.

— Я не полечу на вертолете! — проговорил я упрямо. — Пусть пришлют машину.

— Только не говорите мне, что боитесь летать! — И офицер уже поморщился не без раздражения. — После всех этих каскадерских фортелей, которые вы нам тут продемонстрировали! Ну что вы как ребенок, в самом-то деле? Солидный же человек, доктор наук, почетный член и так далее... Идемте. Вы же прекрасно понимаете, что теперь ничего не измените. Да и караул, некоторым образом, устал...

Я посмотрел на солдат почетного караула, которые уныло мокли под дождем в своих дурацких мундирах с эполетами. Кажется, им все это нравилось ничуть не больше, чем мне.

И ведь, главное, он, офицер, прав. Я действительно ничего бы не изменил, даже если б закон давал мне такое право. Я меньше всего хочу возврата к варварским временам прошлого. Временам, когда миром правили властолюбивые ничтожества, параноидальные тираны, ненасытные коррупционеры и просто недоумки, сумевшие понравиться невежественной толпе. Мне, как и всякому здравомыслящему человеку, очевидно, что власть должна принадлежать интеллектуалам. А то, что настоящим интеллектуалам она совершенно не нужна, ибо у них есть куда более интересные занятия, — это лишь позитивный побочный эффект, дающий гарантию от новой тирании.

Все это так. Но, черт побери, до чего же обидно, что в течение следующих двух лет президентом этой страны придется быть именно мне!

